

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн серии *С. Прохоровой*
Художественное оформление *К. Гусарева*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 День без любви / Анна Данилова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 288 с. — (Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-101841-2

Красота и внутренняя сила Ирены одинаково действовали на мужчин и женщин: на нее хотелось походить, ей хотелось повинаться. Весть об убийстве Ирены — молодую женщину намеренно задавили машиной — поразила друзей и ввергла в отчаяние сестру красавицы Женю Родионову. Узнав много нового о сестре, Женя пытается понять, кто так жестоко расправился с нею. Один из любовников, не смирившийся с наличием соперника? Бывший муж, ревновавший ее к прошлому и будущему? Или тот, кого Ира опередила в поисках старинного клада, зарытого в одном из богатых стамбульских домов?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101841-2

© Данилова А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

Шумен. Начало апреля 2007 г.

Иорданка Дончева ровно в семь утра поставила бутылку с молоком на порог своей веранды и уселась в плетеное кресло выпить чашку кофе. Начало апреля в этом году было теплым, медленно, словно набирая силу, распускались розы, под крышей веранды кружились ласточки, разрезая тишину и солнечный покой мирного утра, из глубины кухни, из открытого окна доносилась полная любви и страсти песня Иванны — там работал новенький радиоприемник. Иорданка смотрела вверх розовых кустов на тропинку, ведущую к калитке, откуда с минуты на минуту должна была появиться госпожа Ирена. Но прошла минута, пять, десять, а ее соседки, покупающей у нее каждую пятницу молоко, все еще не было. Редко бывало, чтобы она запаздывала. Госпожа Ирена — русскиня, так в Болгарии называют русских женщин, — нравилась Иорданке своей приветливостью, вежливым обращением и той особой красотой, которая подчас действует даже на женщин — на Ире-

ну хотелось походить: так же, как и она, не сутулясь, ровно и прямо держать спину, так же улыбаться, так же тихо и спокойно говорить, проговаривая каждое слово, пусть и смешно, неловко, на милой смеси русского и болгарского языков. Особенно ей нравилось, когда она говорила «моля...», что означает «пожалуйста, прошу».

Иорданка достала сигарету, уже вторую по счету в это утро (первую она выкурила, пододвиг свою единственную корову), и вдруг услышала шум подъезжающей машины, визг тормозов, и что-то желтое промелькнуло за ветвями шиповника, заменявшего изгородь, отделявшую сад от пешеходной дорожки. Затем сдавленный вскрик, хруст, звук сильного удара, и снова страшный визг тормозов, словно невидимая машина сложно маневрировала прямо перед домом... И все. Машина уехала. Стало тихо. Иорданка, не выпуская из рта сигарету, поднялась с кресла и медленно двинулась вдоль посыпанной белым щебнем дорожки к калитке. Откуда-то она уже знала, что случилось что-то непоправимое. Чувствовала. И это желтое, большое, сверкнувшее в утреннем луче солнца, было не что иное, как такси. Но что забыла здесь эта машина? Ведь Шуменское плато — это самая окраина города, и машин здесь практи-

чески не бывает, тем более в такой ранний час.

Пыль еще не осела на дорогу, и в воздухе пахло чем-то бензиновым, сладким и душным. Совершенно не утренний запах. На обочине, на сломанных и искореженных ветвях шиповника, обливаясь кровью, лежала женщина. Рядом с ней в пыли — корзинка с искрошенным печеньем. Иорданка отлично знала, кому принадлежит эта корзинка и это печенье, как и это шелковое розовое платье, на ее глазах напитывающееся кровью. Голова Ирены была запрокинута, и по белой шее струилась кровь.

Иорданка подумала, что машиной ей оторвало голову.

«Леле боже!..»

2

Москва. Конец апреля 2007 г.

Даже самой себе не хотелось признаваться в том, что жизнью женщины, ее поступками часто движет мужчина, во всяком случае, ее отношения с ним. И если замужняя женщина еще как-то пытается что-то там склеить, выправить если не отношения, так хотя бы ситуацию, которая на первый взгляд кажется

невыносимой, то женщина разведенная, вдруг осознав свое внезапно узаконенное одиночество и почувствовав неожиданно острое наслаждение от сознания полной свободы, находится в состоянии, похожем на эйфорию. И пусть это чувство временное, шальное и женщина находится в некоторой растерянности из-за незнания того, как же ей теперь предстоит жить, с кем бороться и кого винить в неудавшейся жизни, все равно оно воспринимается ею как награда за пережитые страдания, выплаканные слезы.

Приблизительно в таком состоянии находилась Женя Родионова, когда вернулась домой после унижительной процедуры развода, где ей пришлось прямо в ЗАГСе встретиться лицом к лицу со своей соперницей, любовницей мужа, поджидавшей его в коридоре, причем с самым невозмутимым видом. Зачем она пришла туда? Чтобы досадить Жене, чтобы продемонстрировать свою преданность мужчине, которого она отбила у нее? Или, быть может, она сделала это неосознанно, просто как женщина, повсюду сопровождавшая своего мужчину, тем более что чувства их еще горячи, так же как их головы и сердца.

«Я не хочу больше думать о них. Не хочу и не буду».

Надо было как-то жить. Приводить в по-

рядок мысли, чувства, спальню, постель, кухню, ванную комнату, помыть окна, наконец. Самое время.

Она переоделась и первым делом собрала по всей квартире грязное белье, сунула часть в корзину, другую — в стиральную машинку, засыпала порошок, плеснула в емкость густой розовой кондиционер, включила и, услышав знакомый звук льющейся где-то в глубине машины воды, испытала чувство, похожее на начавшееся очищение. Так, первый шаг был сделан. Теперь — кухня. Женя открыла посудомоечную машину, выкатила корзину и переложила из раковины грязные тарелки и чашку внутрь, в отдельный лоток сложила ложки и вилки — готово дело. И здесь началась невидимая и тщательная работа. Раковину Женя чистила сама, надев новые оранжевые резиновые перчатки. Оттерла до блеска плиту, кафельную стену, две кастрюли — одну из-под макарон, вторую — из-под пригоревшей овсянки.

Полы в кухне мыла с каким-то остервенением, ковры в спальне и гостиной пылесосила уже более спокойно, видя, как преобразается запущенная, как и сама хозяйка, квартира, как она становится чище, лучше.

В дверь позвонили. Пришла подружка Вита. Красивая, с фиалковыми глазами, в фиал-

ковом джинсовом жакете и белых летних брюках.

— Ну что, отстрелялась? Тебя можно поздравить? Все закончилось? — Она обняла Женю и сунула ей в руки пакет. — Это торт. Твой развод надо отметить.

Она осмотрелась и в восхищении подняла вверх большой палец:

— Супер! Ты — молодец. Я всегда знала: ты сильная, справишься... наведение чистоты в данной ситуации — самое то, что нужно. Выше нос, Женчара!

Женя, обрадовавшись приходу подруги, унесла пылесос в кладовку и, крикнув из ванной комнаты, чтобы Вита заварила чай, встала под душ. Вылив на ладонь густой лимонный гель для душа, подумала: как хорошо, что есть еще люди, способные думать не только о своей личной жизни, но и о том, как сделать жизнь других людей приятнее, вот, к примеру, изобрел же кто-то и этот замечательный гель, и этот восхитительный шампунь. Да если бы все люди зацикливались на своих бедах и несчастьях, жизнь бы остановилась!

Она выходила из ванной комнаты с мыслью, что становится странной: никогда прежде ей и в голову не приходил вопрос — кто изобрел гель для душа или шампунь? Она

достаточно хорошо знала себя, свою психику, чтобы понять: это затишье — временное, и эта уборка, эта попытка отвлечься от главного, от того, что теперь у нее нет мужа и он принадлежит другой женщине, лишь оттянет момент самого страшного — истерики... Истерики. Она и сама стала уже бояться себя. И если бы можно было убежать от себя, она побежала бы — босиком, быстро-быстро, на пределе своих возможностей, обдирая ноги и стирая пятки, неслась бы, как ветер, чтобы только убежать от своих страхов, кошмаров и надвигавшегося, как осенняя туча, одиночества.

Но разве возможно убежать от себя?

Вита поджидала ее в кухне, сидя за накрытым столом: заваренный чай, нарезанный на куски торт. Истерика отступила. Даже в груди не давило, не саднило, как прежде.

— Ну, хочешь, я переночую у тебя? — словно прочтя ее мысли, предложила Вита. — Я же вижу, что ты боишься.

— Останься. Мне так будет спокойнее.

— А что ты решила с Ириной? Поедешь?

— Да. Я и билет взяла, послезавтра утром самолет на Пловдив.

— Думаю, ты поступила правильно. Смена обстановки — вещь великая. А что она, твоя

драгоценная Ирина, ты с ней говорила? Дозвонилась?

— Нет. Думаю, что она либо потеряла телефон, она часто их теряет, или же сменила номер.

— А домашний?

— Не знаю. Не отвечает.

— А вдруг она уехала куда-нибудь?

— Ну и что? Подожду. Все равно это лучше, чем оставаться здесь одной, в этих стенах.

— Ладно, успокойся. Мне-то зачем объяснять, я и так все понимаю. Съешь кусочек торта, полегче будет, и постарайся не думать о том, что произошло.

— Легко сказать. Она же туда пришла.

— Кто?

— Светка, кто же еще?! Не знаю, что она забыла там, в ЗАГСе, ведь знала, что мне будет неприятно. А еще подруга!

— Бывшая. Классический вариант, — произнесла Вита задумчиво. — Вот не ожидала, что она так поступит. И ведь как тщательно они все скрывали...

Вита вдруг поняла, что еще немного, и она спровоцирует Женю, вызовет у нее реакцию на эти слова, на всю эту историю, трагедию.

— Прости, Женька. Я и не знала, что и у меня все так накопилось, наболело. А еще о

своем Андрее подумала: а вдруг он тоже изменяет мне с какой-нибудь моей подругой? Если разобраться, то любовница из числа подруг жены — идеальный способ скрывать роман, ведь твоя подруга постоянно рядом, и ты можешь не заметить, просмотреть их отношения.

Она снова запнулась.

— Да ладно, не переживай, говори, что думаешь, тем более что умные люди на самом деле учатся на чужих ошибках. Вот и ты тоже учишься на моих, разрешаю. — Женя горько усмехнулась. — Хотя, думаешь, я не слышала подобных историй о предательствах самых близких подруг? Слышала, но, как видишь, ничего не заметила, жила как с завязанными глазами, даже счастливой была, представляешь? Что же касается моей личной жизни в принципе, то это у нас семейное — у мамы не сложилось с отцом, и она практически всю жизнь жила одна. Да и у Иры, похоже, та же самая история. Не знаю, может, мы, что называется, не мудрые женщины? Вот ведь как считается: если женщина прощает измены мужа, значит, она мудрая. Но мне лично это непонятно. Какая, к черту, мудрость, когда женщина терпит предательство мужа, закрывает глаза на его похождения — ради чего? Ради большой и светлой любви, пахнувшей

чужими женскими духами и разрисованной помадой соперниц?

— Я тоже не понимаю, что здесь мудрого. Женщина просто не уважает себя и делает вид, что все идет нормально. Хотя обычно ей кажется, что она просто переживает период, пока муж не наиграется с очередной куклой, чтобы потом снова вернуть его в свои, прямо скажем, материнские объятия. Думаю, твоя история более чистая, честная, и лучше развод, чем постоянное ожидание, пока тебя не бросят окончательно. Хотя ты говорила, что он был против развода, что, когда ты закатила ему истерику и сказала, что все знаешь и что не намерена больше терпеть...

— Ну, хотелось ему сохранить сразу двух женщин, ему это удобно было. Ладно, Вита, хватит об этом. Я уже все решила. Поеду в Болгарию, благо что у меня в запасе еще целых два с половиной месяца визы и там меня ждет самый близкий человек — сестра. Жаль, что ты с ней не знакома. Она — удивительная! И я ее обожаю.

— Ты так много мне о ней рассказывала. Она старше тебя?

— На шесть лет. Но внешне это не заметно. Ты бы видела ее. Хотя я же показывала тебе фотографии.

И Женька, на время забыв о своих бедах,

принесла альбом и принялась листать, показывая подруге семейные снимки.

— Вот это мама с папой, они — такая красивая пара, но, говорю же, ничего у них не получилось. Он и попивал, и погуливал. Котяра, словом. А это вот моя сестра, Ирочка. Она с детства такая красавица, спокойная, улыбочивая и какая-то тихая, хотя у нее ох как много душевных сил. Я так до конца в ней и не разобралась. Иногда мне кажется, что она знала изначально много о жизни, что у нее какая-то своя, особенная философия. Вот я, к примеру. Живу чувствами, импульсами, у меня беспорядок во всем — и в сердце, и в мыслях, и в квартире. Ты загляни в мой шкаф, и тебе сразу станет ясно, что в моей голове. Много красивых дорогих вещей, но все они словно случайные, совершенно не подходящие к моему скромному образу жизни. Хочется надеть свои вечерние платья, какие-то немислимые парчовые жакеты, муслиновые юбки, а я ношу одни джинсы и свитера. И туфли. У меня их целая коллекция, но я ношу удобные швейцарские спортивные ботинки практически круглый год. И если что-то покупаю, то снова точно такие же. А в шкафу скопилось много коробок с босоножками, туфлями, сапогами. И все это на шпильках, неудобное, невозможное. А вот